

— ДЖАНЕТ РИД —

СОЛЕНАЯ ВОДА

18+

Джанет Рид

Солёная вода

«Автор»

2026

Рид Д.

Солёная вода / Д. Рид — «Автор», 2026

Аня уехала из родного приморского городка четыре года назад — в Москву, за большой жизнью, за любовью, за чем-то, что казалось ей тогда важнее моря. Теперь она возвращается: у отца давление, у матери нервы, а у неё самой — разбитая вдребезги жизнь и чемодан, в который поместилось всё, что осталось. Она думает, что приехала на две недели. Она думает, что спрячется. Она не думает о Кирилле — точнее, заставляет себя не думать. Но он здесь. Он никуда не уехал. И когда они встречаются на том же пирсе, где когда-то целовались до рассвета, Аня понимает: это лето не будет спокойным. Потому что некоторые чувства не остывают. Они просто ждут.

© Рид Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Возвращение	7
Глава 2 Пирс	17
Глава 3 Ужин у Гии	19
Глава 4 Утро, которое всё изменило	24
Глава 5 Дом, который помнил всё	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джанет Рид

Солёная вода

Пролог

Море не прощает.

Это Аня знала с детства — с тех пор, как отец впервые вывел её на пирс, поставил у самого края и сказал: «Смотри. Оно живое. Оно дышит. И оно тебя не отпустит, если ты его полюбишь».

Ей было шесть. Она не поняла тогда. Просто смотрела на воду — бесконечную, синюю, сверкающую — и чувствовала, как что-то внутри сжимается. Сладко, до слёз. С тех пор море стало её домом. Настоящим. Тем, куда хочется возвращаться.

А потом она уехала.

Четыре года назад. Осенью. Помнила всё до мельчайших подробностей: как собирала чемодан, как мать стояла в дверях и молчала, как отец сказал: «Ну, поезжай. Посмотри мир». Он не сказал «возвращайся». Не сказал «оставайся». Просто «посмотри». И она поехала.

В Москву. За чем-то большим. За жизнью, которую видела в кино. За любовью, которую придумала сама.

Аня помнила день, когда уезжала. Помнила, как стояла на перроне, как держала в руках билет, как смотрела на часы. Помнила, как он пришёл.

Кирилл.

Он появился за пять минут до отправления. Запыхавшийся, в рабочей куртке, с пятном мазута на рукаве. Видимо, сорвался с лодки. Увидел её — и остановился. В двух метрах. Не подошёл ближе.

Аня смотрела на него. Ждала. Чего? Что он скажет? Что попросит остаться? Что бросит всё и поедет с ней?

Он молчал. Долго. Потом сказал:

— Ну, счастливо.

И всё.

Она кивнула. Взяла чемодан. Пошла к вагону. Не обернулась. Потому что если бы обернулась — осталась бы. А она не хотела оставаться. Она хотела уехать. Хотела доказать — себе, ему, всему миру, — что достойна большего, чем этот маленький городок с его вечным запахом рыбы и соли.

Поезд тронулся. Аня стояла в тамбуре и смотрела, как перрон уплывает назад. Кирилл всё ещё стоял. Не двигался. Просто смотрел вслед.

Она отвернулась. Ушла в купе. И больше не оборачивалась. Четыре года.

Четыре года она не думала о нём. Ну, почти. Иногда, по ночам, когда Москва затихала и становилось слишком тихо, в голову лезли мысли. Его руки. Его губы. Его голос. Как он говорил её имя — тихо, на выдохе. Она гнала эти мысли. Гнала на работу. Гнала в объятия Димы. Гнала в вино. Гнала.

А теперь ехала обратно.

Поезд шёл на юг. За окном проплывали поля, деревни, маленькие станции. Аня лежала на верхней боковушке и смотрела в потолок. Внизу храпел мужик. Пахло курицей и лапшой быстрого приготовления. Телефон разрывался — Дима. Двадцать семь пропущенных. Она не брала.

В сумке лежал тест. Две полоски. Она не знала, что с этим делать. Не знала, что скажет родителям. Не знала, как будет жить дальше. Знала только одно: она едет домой.

Море ждало.
И, может быть, не только море.

Глава 1 Возвращение

Поезд остановился, дёрнувшись в последний раз. Аня открыла глаза. Она не спала — просто лежала с закрытыми, слушая стук колёс, который постепенно замедлялся, пока не превратился в редкое постукивание, а потом и вовсе стих. За окном было ярко, солнечно, совсем не так, как в Москве. Она приподнялась на полке, выглянула.

Аня открыла глаза. Она не спала — просто лежала с закрытыми, слушая стук колёс, который постепенно замедлялся, пока не превратился в редкое постукивание, а потом и вовсе стих. За окном было ярко, солнечно, совсем не так, как в Москве. Она приподнялась на полке, выглянула.

Перрон.

Тот самый. Серый асфальт, выщербленный местами, с трещинами, из которых пробивалась трава. Зелёные скамейки — три штуки, все облупленные, на одной спит кошка. Киоск с мороженым — вывеска выцвела, но буквы ещё читались: «МОРОЖЕНОЕ». Часы на здании вокзала — круглые, с чёрными стрелками. Аня машинально сверила время. Отстают на пятнадцать минут. Как всегда.

Внизу заворочались люди. Кто-то потянулся за сумками, кто-то уже стоял в проходе, толкаясь. Пахло потом и курицей. Аня спустилась с полки — ноги затекли, она не сразу почувствовала их. Надела шлёпки, взяла чемодан. Красный, тяжёлый, с болтающимся колесиком. Она купила его три года назад для поездки в Турцию, которая так и не состоялась. С тех пор он пылился в шкафу. А теперь вот пригодился. Для другого.

Проводница открыла дверь. Аня вышла на перрон, и жара ударила в лицо — плотная, влажная, солёная. Она зажмурилась на секунду. Потом открыла глаза.

Всё было таким же. И другим. Воздух — густой, как сироп, пропитанный запахами моря, нагретого асфальта, цветущих акаций. Где-то вдалеке кричали чайки. Аня стояла и просто дышала. Глубоко, медленно. Как будто училась заново.

Люди обходили её — торопились, несли сумки, тащили детей. Никто не смотрел. Все были заняты собой. Аня взяла чемодан и пошла к вокзалу. Мимо киоска, мимо скамеек, мимо кошки, которая даже не пошевелилась.

Внутри вокзала было прохладно. Пахло пылью и старым деревом. Зал ожидания — маленький, с деревянными скамьями. На стене — расписание поездов, написанное от руки. Аня остановилась, посмотрела. Поезда ходили редко. Два в день. Один утром, один вечером. Она приехала дневным — тем, которого в расписании не было. Его добавили недавно, специально для курортников.

Она вышла на привокзальную площадь. Здесь было оживлённее. Таксисты — трое, все местные, загорелые, в шортах и майках, — стояли у машин. Увидели её, оживились.

— Девушка! Такси нужно? Куда едем?

— На Виноградную.

— Виноградная, четырнадцать? — переспросил один, седой, с золотым зубом. — К Петровым?

Аня кивнула. Он присвистнул:

— Дочь их, что ли?

— Дочь.

— Ох ты. Ну, поехали.

Он открыл багажник, бросил туда чемодан — небрежно, так что Аня вздрогнула. Села на заднее сиденье. Машина тронулась.

За окном поплыли улицы. Аня смотрела и узнавала всё. Вот школа — трёхэтажная, с облупившейся краской. Вот стадион — заросший, с покосившимися воротами. Вот парк —

тот самый, где они гуляли с мальчиками после уроков. Вот магазин «Продукты» — вывеска новая, яркая, а внутри, наверное, всё те же продавщицы, что и десять лет назад.

Таксист молчал. Иногда поглядывал на неё в зеркало. Потом не выдержал:

— Давно не была?

— Четыре года.

— Ого. — Он присвистнул. — И как оно? В Москве-то?

— Нормально.

— Нормально, — повторил он и хмыкнул. — У нас все так говорят. Кто уехал. А потом возвращаются.

Аня не ответила. Смотрела в окно. Они проезжали мимо набережной — море мелькнуло между домами, синее, яркое, бесконечное. Аня почувствовала, как внутри что-то сжалось. Она не видела его четыре года. Забыла, какое оно. А теперь оно было здесь. Рядом. И оно никуда не делось.

— Приехали, — сказал таксист.

Аня расплатилась, вышла. Машина уехала. Она осталась стоять на узкой улочке, перед калиткой. Той самой. Покосившейся, с облезшей краской. Она помнила её с детства. Отец всё собирался починить, но так и не собрался.

Аня толкнула калитку. Та скрипнула — протяжно, знакомо. Как в детстве.

Двор. Бельё на верёвке — мамины простыни, отцовские рубашки. Плющ на стене — разросся, закрыл половину окна. Качели — старые, с ржавыми цепями. Она качалась на них ребёнком. Летом, до самого вечера. Пока мама не звала ужинать.

Пахло борщом. И пирогами. Мама всегда пекла, когда волновалась. Значит, волнуется. Аня подошла к крыльцу. Дверь открылась раньше, чем она успела постучать.

Мама.

Она стояла на пороге — в халате, с завязанными на затылке волосами, с мукой на руках. Увидела Аню. Замерла.

— Анечка.

Одно слово. Тихо. Аня шагнула вперёд. Мама обняла её — крепко, обеими руками. Прижала к себе. Аня уткнулась лицом в её плечо. Пахло мукой, духами, борщом. И чем-то ещё — маминым. Тем, что не спутаешь ни с чем.

— Господи, — мама отстранилась, посмотрела на неё. — Худая какая. Кожа да кости.

— Мам, я нормально.

— Нормально она. Нормально! — Мама покачала головой. — Ты в зеркало себя видела? Одни глаза остались.

Она подхватила чемодан — Аня не успела возразить — и потащила в дом. Аня пошла следом.

В доме было прохладно. Пахло борщом и пирогами. Всё как в детстве. Тот же коридор, те же обои, та же вешалка с отцовскими куртками. Мама поставила чемодан у стены.

— Проходи. Мой руки. Сейчас кормить буду.

— Мам, я не голодная.

— Не голодная она. С дороги. Иди мой руки.

Аня пошла в ванную. Открыла кран. Вода была холодная — бойлер не успел нагреть. Она умылась, посмотрела на себя в зеркало. Усталая. Бледная. С тёмными кругами под глазами. Не такая, как уезжала. Тогда она была молодой, счастливой, полной надежд. Теперь — просто уставшей женщиной, которая возвращается домой, потому что больше некуда.

Она вытерла лицо полотенцем. Пошла на кухню.

Отец сидел за столом. С газетой. Увидел её — отложил. Встал. Подошёл. Обнял. Крепко, молча. Долго.

— Приехала, — сказал он.

— Приехала, пап.

Он отстранился, посмотрел на неё. Постарел. Поседел. Морщины глубже. Но глаза те же — серые, спокойные.

— Садись. Ешь.

Мама поставила перед ней тарелку борща. Пирог. Компот. Аня села. Взяла ложку. Отправила в рот. И чуть не заплакала. Домашняя еда. Настоящая. Она и забыла, что так бывает.

— Ну, — мама села напротив. — Рассказывай.

Аня опустила ложку. Вот оно.

— Что рассказывать?

— Как что? Как ты? Как работа? Как Дима?

Аня смотрела в тарелку. Молчала.

— Аня.

— Мам. Не сейчас.

— А когда? — Мама повысила голос. — Ты приехала на две недели. Я хочу знать, что с моей дочерью происходит.

— Я не на две недели.

Мама замолчала. Отец поднял бровь.

— А на сколько? — спросила мама.

— Не знаю. Пока не знаю.

— Как это — не знаешь? У тебя работа. У тебя квартира. У тебя мужчина.

— Нет у меня мужчины.

Тишина. Мама открыла рот. Закрыла. Посмотрела на отца. Тот молчал. Смотрел на Аню.

— Что значит — нет? — спросила мама.

— Вот так. Нет.

— Вы поссорились?

— Мам.

— Я спрашиваю.

— Мы не поссорились. Мы разошлись.

Мама откинулась на стуле. Как будто её ударили. Аня смотрела на неё и чувствовала: сейчас начнётся. Сейчас будут вопросы. Кто виноват. Почему. Что она сделала не так. Она знала эти вопросы. Она слышала их тысячи раз. От Лены. От подруг. От самой себя.

Но мама не сказала ничего. Просто сидела. Смотрела. Потом встала. Начала убирать со стола — громко, с силой. Тарелки стучали.

Отец положил руку ей на плечо.

— Лена. Хватит.

— Что хватит? Я мать. Я имею право знать.

— Имеешь. Но не сейчас.

Мама поджала губы. Вышла из кухни. Хлопнула дверью. Аня сидела. Смотрела в тарелку. Борщ остыл. Ложка лежала рядом.

— Пап.

— М?

— Прости.

— За что?

— За то, что так.

Он покачал головой.

— Не извиняйся. Ты дома. Это главное.

Он встал. Пошёл за мамой. Аня осталась одна. Сидела, смотрела в окно. За окном был двор. Качели. Плющ. Бельё. И где-то там, дальше, за домами, — море. Она чувствовала его. Даже отсюда.

Аня встала. Пошла в свою комнату. Открыла дверь.

Комната была та же. Кровать у окна. Плакаты на стенах — она и забыла про них. Группа, которая давно распалась. Актриса, которая давно не снимается. Море на постере — синее, как настоящее. Стол. Полка с книгами. Куклы — она не разрешала их выбрасывать.

Аня подошла к кровати. Села. Провела рукой по покрывалу. Пыльно. Мама, наверное, не заходила сюда. Или заходила, но редко.

На тумбочке лежала фотография. В рамке. Она и Кирилл. Молодые. Смеются. Держатся за руки. Море на фоне. Аня взяла рамку. Посмотрела. Долго. Потом поставила обратно. Не убрала. Пусть стоит.

Она легла. Закрыла глаза. Усталость накатила — тяжёлая, как вода. Аня провалилась в сон, не успев додумать ни одной мысли.

Проснулась она от того, что за окном темнело.

Аня села. Посмотрела на часы. Шесть вечера. Спала два часа. В доме было тихо. Родители, видимо, тоже отдыхали. Аня встала. Подошла к окну. Открыла. Ветер ворвался — солёный, тёплый. Внизу шумело море. Она слышала его. Всегда слышала. Даже во сне.

Аня накинула сарафан. Вышла из комнаты. В доме было тихо. Она прошла на кухню. Выпила воды. Потом вышла во двор.

Воздух был тёплый, влажный. Пахло морем и цветами. Аня постояла, подышала. Потом толкнула калитку и вышла на улицу.

Она шла к морю. Не думая. Просто шла. Ноги сами несли. Мимо домов, мимо заборов, мимо людей, которые сидели на лавочках и смотрели на неё. Она не обращала внимания. Она шла.

Набережная была полна народу. Музыка из кафе. Смех. Крики детей. Пахло шашлыком, кукурузой, солёной водой. Аня шла вдоль перил, вглядываясь в знакомые места. Вот кафе, где они сидели с Кириллом. Вот лавочка, где целовались. Вот спуск к пляжу — узкий, с крутыми ступенями. Она прошла дальше. Мимо людей, мимо огней, мимо всего. И вышла на пирс.

Пирс был длинный, бетонный, уходящий далеко в море. На нём почти никого не было — только пара рыбаков в конце, да влюблённая парочка у перил. Аня прошла мимо них. Дошла до самого края. Села. Свесила ноги.

Внизу плескалась вода. Тёмная, тёплая. Луна висела низко — жёлтая, огромная. Отражалась в воде длинной дрожащей дорожкой. Аня смотрела на неё. И вдруг — впервые за долгое время — ей захотелось плакать. Не от боли. От чего-то другого. От того, что она наконец дома.

Она сидела долго. Час, может, два. Смотрела на воду, на луну, на огни кораблей. Внутри было тихо. Спокойно. Как будто всё, что случилось в Москве, осталось там. За тысячи километров. И сюда не добралось.

Потом услышала шаги.

Кто-то шёл по пирсу. Медленно, не спеша. Аня не обернулась. Мало ли кто. Местный. Рыбак. Турист.

Шаги приблизились. Остановились.

— Аня?

Она замерла.

Голос. Она узнала его сразу. Даже спустя четыре года. Даже сквозь шум моря.

Обернулась.

Он стоял в двух шагах. Высокий, загорелый до черноты. В шортах и футболке. С полотенцем на плече. Волосы коротко стрижены. Щетина. Руки — сильные, с мелкими шрамами. Она помнила эти руки. Помнила каждую царапину.

Кирилл.

— Ты, — сказала она. Глупо. Но что ещё сказать?

— Я, — он улыбнулся. — Ты приехала.

— Приехала.

— Надолго?

— Не знаю. К родителям. У папы давление.

— Понятно.

Он не уходил. Стоял и смотрел. Аня чувствовала, как между ними повисло что-то плотное, тяжёлое. Всё, что было. Всё, что не было сказано. Всё, что она гнала от себя четыре года.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально. Ты?

— Тоже.

Помолчали. Волны бились о бетон. Где-то смеялись. Музыка играла. Аня смотрела на него и не могла отвести взгляд. Он изменился. Повзрослел. Стал шире в плечах, что ли. Или это ей казалось. Но глаза — глаза были те же. Серые, спокойные. Такие, в которые она когда-то провалилась, как в море.

— Я слышал, ты в Москве, — сказал он. — Замуж собиралась.

— Не собралась.

— Ага.

Он подошёл ближе. Сел рядом — на бетон, свесив ноги. Так близко, что Аня почувствовала запах его кожи. Морская соль, солнце, что-то ещё. Своё.

— Я здесь живу, — сказал он. — Работаю. Лодка у меня. Вожу туристов. Ну и рыбачу.

— Ты всегда любил море.

— Да. — Он помолчал. — А ты вернулась.

— На время.

— Все так говорят.

Аня усмехнулась. Таксист сказал то же самое.

— Слушай, — Кирилл повернулся к ней. — Ты голодная?

— Что?

— Голодная, спрашиваю. Я тут знаю одно место. Шашлык, вино. Недалеко.

Аня смотрела на него. На его профиль — резкий, красивый. На руки. На губы. Она помнила эти губы. Помнила, как они целовали её. Помнила, как он держал её — так, что дышать было нечем.

— Пойдём, — сказала она.

Они шли по набережной молча.

Не касаясь друг друга — но Аня чувствовала его рядом каждой клеткой. Он был тёплый. Большой. Близкий. Как будто и не было этих четырёх лет. Как будто они вчера сидели на этом пирсе, и он держал её за руку, и всё было просто.

Люди вокруг сновали — курортники с мороженым, дети с надувными кругами, парочки, взявшиеся за руки. Музыка из кафе — то громче, то тише. Пахло шашлыком и солёной водой. Аня смотрела под ноги — на бетон, нагретый за день, ещё тёплый. Шлёпки шлёпали по нему, и этот звук казался ей оглушительным.

Кирилл свернул в переулок.

Аня за ним. Переулок был узкий, тёмный — фонарей здесь не было. Только свет из окон. Виноградные лозы свисали с балконов, цеплялись за провода. Под ногами — булыжник, старый, стёртый. Аня помнила эту улицу. Здесь жила её бабушка. Давно, когда Аня была маленькой. Бабушка умерла, когда ей было двенадцать. Дом продали. Но улица осталась.

В конце переулочка — тупик. И в тупике — дверь. Обычная, железная, без вывески. Кирилл толкнул её. Дверь открылась.

Внутри было людно. И шумно. И пахло так, что у Ани закружилась голова — мясо на углях, зелень, вино, специи. Что-то грузинское. Острое. Настоящее.

Помещение было небольшое — пять-шесть столиков, накрытых клетчатыми скатертями. Стены — каменные, увитые плющом. Потолок — деревянные балки. Свет — тёплый, жёлтый, от ламп под абажурами. Играла музыка — негромкая, тягучая. Что-то на грузинском. Аня не понимала слов, но мелодия была красивая.

За стойкой стоял грузин — большой, с усами, в белой рубаше. Увидел Кирилла — расплылся в улыбке.

— Кирилл! — Голос громкий, раскатистый. — Давно не приходил!

— Дела, Гия. — Кирилл пожал ему руку. — Как ты?

— Как всегда. Работаю. Кормлю людей. — Гия посмотрел на Аню. Оценивающе, но без наглости. — Девушка с тобой?

— Слушай, — Кирилл наклонился к нему. — Столик на двоих. Подальше от всех.

Гия кивнул. Молча, без вопросов. Провёл их вглубь зала — к столику у окна. Окно выходило во внутренний дворик — маленький, с фонтаном. Вода журчала. Аня села. Кирилл — напротив.

Гия принёс меню — толстое, в кожаном переплёте. Кирилл отодвинул его.

— Не надо. Принеси как всегда. И вина. Красного. Хванчкару.

— Понял. — Гия ушёл.

Аня осмотрелась. За соседним столиком сидела пара — молодые, лет двадцати. Держались за руки. Смеялись. Девушка что-то рассказывала, парень смотрел на неё влюблёнными глазами. Аня отвернулась. Посмотрела на Кирилла. Он смотрел на неё.

— Ты часто здесь бываешь? — спросила она.

— Каждый день почти. — Он откинулся на спинку стула. — Тут кормят как дома. Гия — друг. Мы вместе рыбачим иногда.

— Ты всё так же рыбачишь?

— А как же. Это не работа. Это... — он задумался. — Это как дышать. Не могу не рыбачить.

Аня кивнула. Она помнила. Он всегда был такой. С детства. Уходил на рассвете с отцом, возвращался с уловом. Ставрида, барабулька, бычки. Приносил ей. Она не умела чистить рыбу — он чистил сам. Ловко, быстро, ножом, который всегда носил с собой.

— А ты? — спросил он. — Чем занималась?

— Работала. В агентстве. Редактором.

— Нравилось?

Аня задумалась. Честно задумалась. Впервые за долгое время.

— Не знаю, — сказала она. — Наверное, нет. Но я не думала об этом. Просто делала. Каждый день. Как робот.

— Почему?

— Потому что надо было. Потому что так принято. Потому что... — она замолчала.

— Потому что что?

— Потому что я думала, что это и есть жизнь. Работа. Москва. Квартира. Мужчина. Всё как у людей.

— А оказалось?

Аня посмотрела на него. Прямо.

— А оказалось, что это не моя жизнь. Чужая.

Он не ответил. Молчал. Смотрел на неё. Потом сказал:

— Я знал.

— Что знал?

— Что ты вернёшься.

Аня вздрогнула.

— Почему?

— Потому что ты не городская. Как и я. Ты можешь уехать. Но ты не можешь там жить. Я это сразу понял. Когда ты уезжала. Стоял на перроне и думал: она вернётся. Рано или поздно.

— И ты ждал?

Он усмехнулся.

— Не ждал. Жил. Но знал.

Гия принёс вино и закуски. Сыр, зелень, лаваш, какие-то соленья. Аня взяла бокал. Отпила. Вино было терпкое, холодное. Хорошее.

— Расскажи, — сказала она. — Как ты здесь. Четыре года. Что было?

Кирилл налил себе. Отпил. Поставил бокал.

— Сначала было плохо, — сказал он. — Первый год. Я ходил как в тумане. Работал, но не чувствовал. Рыбачил, но не радовался. Всё думал: а что если бы я поехал? Что если бы бросил всё? Может, был бы счастлив?

— И?

— И ничего. Понял, что не был бы. Я бы там сдох. Медленно. Как рыба без воды. — Он посмотрел на неё. — Ты знаешь, что я пробовал? До тебя. Уезжал. В Москву. В Питер. Даже в Новосибирск раз. Возвращался через месяц. Максимум — два. Я не могу без моря. Буквально. Начинаю задыхаться. Физически.

Аня смотрела на него. Он говорил спокойно. Без драмы. Просто факт.

— Потом привык, — продолжил он. — Взял себя в руки. Купил лодку. Кредит оформил. Долго платил. Потом вторую взял. Сдаю её. Зимой рыбачу. Летом вожу туристов. Ну и... живу. Как умею.

— Один?

Он посмотрел на неё. Долго.

— Один.

— Почему?

— Потому что не ты.

Аня отвернулась. Посмотрела в окно. Дворик, фонтан, вода журчит. Простые слова. А внутри — как будто что-то перевернулось.

— А у тебя? — спросил он. — Кто был?

Аня молчала. Смотрела на фонтан.

— Дима. — Голос был ровный. — Три года. Я думала, что выйду за него. Что всё будет. А потом узнала, что он женат.

Кирилл не сказал ни слова. Просто слушал.

— Я узнала неделю назад. Случайно. Пришла в офис женщина. Сказала, что жена. Ждёт его дома. Я стояла с кофе в руках. И смотрела на неё. И ничего не чувствовала. Ни злости. Ни обиды. Только пустоту.

— А потом?

— Потом поехала домой. Собрала вещи. Купила билет. И уехала. Всё.

Кирилл кивнул. Взял бокал. Отпил.

— Я не спрашиваю почему, — сказал он. — Я просто рад, что ты приехала.

Аня посмотрела на него. В глазах зацепало. Она моргнула. Отвела взгляд.

— Не надо, — сказала она. — Не говори так.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что будет. Я не знаю, останусь ли. Я не знаю ничего. И не хочу обещать.

Он потянулся через стол. Взял её руку. Просто взял — большую ладонь поверх её. Аня не отняла.

— Я не прошу обещать, — сказал он. — Я просто говорю, что рад.

Она смотрела на его руку. На свою. На то, как они лежат — его сверху, её снизу. Как будто всегда там были.

— Кирилл.

— М?

— Почему ты не женился? За эти годы. Были же женщины.

Он убрал руку. Откинулся на стуле. Посмотрел в окно.

— Были, — сказал он. — Две. Может, три. Не помню точно. Одна — Лена, медсестра. Хорошая. Добрая. Готовила хорошо. Мы встречались год, наверное. Она хотела семью. Детей. Я не мог.

— Почему?

— Потому что не любил. — Он повернулся к ней. — Я честно пытался. Убеждал себя: вот она, нормальная, надёжная. Будет дом, дети, всё как у людей. Но каждое утро просыпался и думал: это не она. Не та. И так каждый день. Пока не понял, что обманываю и её, и себя. Расстались.

— А вторая?

— Вторая была замужем. — Он усмехнулся. — Тоже, кстати, из Москвы приехала. Отдыхать. Мы познакомились на пляже. Она была красивая. Умная. Всё понимала. Мы встречались всё лето. А осенью она уехала. К мужу. И я её не удерживал.

— Почему?

— Потому что знал: она уедет. И я уеду. Никто никуда не денется. Это было... — он подобрал слово, — удобно. Никто ничего не обещал. Никто никого не обманывал. Просто лето. Просто море. Просто мы.

Аня смотрела на него. И понимала. Она тоже так жила. Три года. Удобно. Никаких обещаний. Никаких планов. Просто рядом. Просто тепло. Просто.

— Ты поэтому не спрашиваешь про Диму? — спросила она. — Потому что знаешь, каково это?

Он кивнул.

— Я знаю, каково это — быть вторым. Или третьим. Или никаким. Я не хочу, чтобы ты это чувствовала. Поэтому не спрашиваю.

Аня опустила глаза. Взяла бокал. Допила. Вино согрело. Разлилось по телу. Стало легче.

Гия принёс шашлык. Горячий, на углях, с луком и зеленью. Пахло так, что у Ани заурчало в животе. Она и забыла, что голодная. С утра ничего не ела.

— Ешь, — сказал Кирилл. — Ты худая.

— Все мне это говорят.

— Потому что это правда.

Она взяла кусок. Откусила. Мясо было мягкое, сочное, с дымком. Аня закрыла глаза. Вкусно. По-настоящему вкусно. Как дома.

— Нравится? — спросил Кирилл.

— Очень.

Они ели. Молча. Но это было не то молчание, что на пирсе. Другое. Тёплое. Как будто слова были не нужны. Как будто и так всё понятно.

Потом Кирилл заказал ещё вина. И ещё. Аня захмелела — немного, приятно. Стало тепло. Хорошо. Она смотрела на Кирилла и думала: почему я уехала?

— Помнишь, — сказал он вдруг, — как мы на крыше сидели? У тебя дома. И ты сказала, что хочешь уехать.

— Помню.

— Ты уехала.

— Да.

— Я не поехал.

— Знаю.

— Я жалею.

Аня подняла на него глаза.

— О чём?

— О том, что не поехал. Не за тобой. А вообще. — Он смотрел в бокал. — Я жалею, что не попробовал. Ещё раз. Может, в этот раз получилось бы. Может, я бы смог. С тобой.

— Кирилл.

— Что?

— Ты бы не смог. Ты сам сказал.

— Знаю. — Он усмехнулся. — Но жалею всё равно. Потому что глупо. Всю жизнь прожить у моря и ни разу не попробовать. Глупо.

Аня молчала. Смотрела на него. Потом сказала:

— А я жалею, что уехала.

Он посмотрел на неё. Долго.

— Почему?

— Потому что ничего не нашла. Ни работы хорошей, ни жизни. Ни любви. Только пустоту. И мужика, который врал.

— Ты не могла знать.

— Могла. Я просто не хотела видеть. — Она отпила вина. — Я думала, что если уеду, то всё изменится. Что я стану другой. Лучше. Счастливее. А оказалось, что я везде одинаковая. И в Москве, и здесь. Просто в Москве я это прятала лучше.

Кирилл потянулся. Взял её за руку. Сжал.

— Ты не одинаковая, — сказал он. — Ты просто устала. Отдохни. Здесь. У моря. Всё пройдёт.

— Думаешь?

— Знаю.

Она посмотрела на его руку. На свою. И вдруг поняла, что не хочет, чтобы он отпускал. Никогда.

— Пойдём, — сказала она.

— Куда?

— Не знаю. Просто пойдём.

Он расплатился. Помог ей встать. Они вышли из шашлычной. Гия что-то крикнул вслед — Аня не разобрала. Переулок был тёмный, тихий. Только лоза шелестела на ветру. Кирилл взял её за руку. Повёл.

Они шли по ночной набережной. Народу стало меньше. Море шумело. Луна висела низко — жёлтая, огромная. Аня смотрела на неё и чувствовала, как внутри что-то тает. Медленно, по капле.

У её дома Кирилл остановился. Аня тоже. Стояли друг напротив друга. Близко. Так близко, что Аня чувствовала его дыхание. Тёплое. Родное.

— Ну, — сказала она. — Спасибо.

— Не за что.

Он не уходил. И она не уходила.

— Кирилл.

— Что?

Она не ответила. Шагнула вперёд. Прижалась к нему. Он обнял — крепко, обеими руками. Аня уткнулась лицом в его плечо. Вдохнула.

— Я скучала, — сказала тихо.

Он не ответил. Прижал крепче. А потом наклонился и поцеловал.

Долго. Глубоко. Как будто не было этих четырёх лет. Как будто вчера они стояли здесь же, у этой калитки.

Аня обвила руками его шею. Он подхватил её под бёдра. Она обхватила его ногами. Он прижал её к стене дома — к той самой, увитой плющом, — и целовал шею, ключицы, губы.

— Аня, — выдохнул он. — Скажи, что остановиться.

— Не скажу.

Он застонал — низко, в горле. Поднял её выше. Аня чувствовала его — всего. Как он хочет её. Как дрожат его руки.

— Ко мне, — сказала она. — Никого нет.

Он понёс её. Через калитку, через двор, мимо сохнущего белья, на крыльцо. Аня открыла дверь — ключ под ковриком. Внутри темно и тихо. Родители спали.

В её комнате — маленькой, с кроватью у окна, с плакатами на стенах, с запахом детства — он опустил её на кровать. Накрыл собой.

И Аня забыла обо всём.

Глава 2 Пирс

Проснулась она от того, что за окном темнело.

Аня села. Посмотрела на часы. Шесть вечера. Спала два часа. В доме было тихо. Родители, видимо, тоже отдыхали. Аня встала. Подошла к окну. Открыла. Ветер ворвался — солёный, тёплый. Внизу шумело море. Она слышала его. Всегда слышала. Даже во сне.

Аня накинула сарафан. Вышла из комнаты. В доме было тихо. Она прошла на кухню. Выпила воды. Потом вышла во двор.

Воздух был тёплый, влажный. Пахло морем и цветами. Аня постояла, подышала. Потом толкнула калитку и вышла на улицу.

Она шла к морю. Не думая. Просто шла. Ноги сами несли. Мимо домов, мимо заборов, мимо людей, которые сидели на лавочках и смотрели на неё. Она не обращала внимания. Она шла.

Набережная была полна народу. Музыка из кафе. Смех. Крики детей. Пахло шашлыком, кукурузой, солёной водой. Аня шла вдоль перил, вглядываясь в знакомые места. Вот кафе, где они сидели с Кириллом. Вот лавочка, где целовались. Вот спуск к пляжу — узкий, с крутыми ступенями. Она прошла дальше. Мимо людей, мимо огней, мимо всего. И вышла на пирс.

Пирс был длинный, бетонный, уходящий далеко в море. На нём почти никого не было — только пара рыбаков в конце, да влюблённая парочка у перил. Аня прошла мимо них. Дошла до самого края. Села. Свесила ноги.

Внизу плескалась вода. Тёмная, тёплая. Луна висела низко — жёлтая, огромная. Отражалась в воде длинной дрожащей дорожкой. Аня смотрела на неё. И вдруг — впервые за долгое время — ей захотелось плакать. Не от боли. От чего-то другого. От того, что она наконец дома.

Она сидела долго. Час, может, два. Смотрела на воду, на луну, на огни кораблей. Внутри было тихо. Спокойно. Как будто всё, что случилось в Москве, осталось там. За тысячи километров. И сюда не добралось.

Потом услышала шаги.

Кто-то шёл по пирсу. Медленно, не спеша. Аня не обернулась. Мало ли кто. Местный. Рыбак. Турист.

Шаги приблизились. Остановились.

— Аня?

Она замерла.

Голос. Она узнала его сразу. Даже спустя четыре года. Даже сквозь шум моря.

Обернулась.

Он стоял в двух шагах. Высокий, загорелый до черноты. В шортах и футболке. С полотенцем на плече. Волосы коротко стрижены. Щетина. Руки — сильные, с мелкими шрамами. Она помнила эти руки. Помнила каждую царапину.

Кирилл.

— Ты, — сказала она. Глупо. Но что ещё сказать?

— Я, — он улыбнулся. — Ты приехала.

— Приехала.

— Надолго?

— Не знаю. К родителям. У папы давление.

— Понятно.

Он не уходил. Стоял и смотрел. Аня чувствовала, как между ними повисло что-то плотное, тяжёлое. Всё, что было. Всё, что не было сказано. Всё, что она гнала от себя четыре года.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально. Ты?

— Тоже.

Помолчали. Волны бились о бетон. Где-то смеялись. Музыка играла. Аня смотрела на него и не могла отвести взгляд. Он изменился. Повзрослел. Стал шире в плечах, что ли. Или это ей казалось. Но глаза — глаза были те же. Серые, спокойные. Такие, в которые она когда-то провалилась, как в море.

— Я слышал, ты в Москве, — сказал он. — Замуж собиралась.

— Не собралась.

— Ага.

Он подошёл ближе. Сел рядом — на бетон, свесив ноги. Так близко, что Аня почувствовала запах его кожи. Морская соль, солнце, что-то ещё. Своё.

— Я здесь живу, — сказал он. — Работаю. Лодка у меня. Вожу туристов. Ну и рыбачу.

— Ты всегда любил море.

— Да. — Он помолчал. — А ты вернулась.

— На время.

— Все так говорят.

Аня усмехнулась. Таксист сказал то же самое.

— Слушай, — Кирилл повернулся к ней. — Ты голодная?

— Что?

— Голодная, спрашиваю. Я тут знаю одно место. Шашлык, вино. Недалеко.

Аня смотрела на него. На его профиль — резкий, красивый. На руки. На губы. Она помнила эти губы. Помнила, как они целовали её. Помнила, как он держал её — так, что дышать было нечем.

— Пойдём, — сказала она.

Глава 3 Ужин у Гии

Они шли по набережной молча.

Не касаясь друг друга — но Аня чувствовала его рядом каждой клеткой. Он был тёплый. Большой. Близкий. Как будто и не было этих четырёх лет. Как будто они вчера сидели на этом пирсе, и он держал её за руку, и всё было просто.

Люди вокруг сновали — курортники с мороженым, дети с надувными кругами, парочки, взявшиеся за руки. Музыка из кафе — то громче, то тише. Пахло шашлыком и солёной водой. Аня смотрела под ноги — на бетон, нагретый за день, ещё тёплый. Шлёпки шлёпали по нему, и этот звук казался ей оглушительным.

Кирилл свернул в переулок.

Аня за ним. Переулок был узкий, тёмный — фонарей здесь не было. Только свет из окон. Виноградные лозы свисали с балконов, цеплялись за провода. Под ногами — булыжник, старый, стёртый. Аня помнила эту улицу. Здесь жила её бабушка. Давно, когда Аня была маленькой. Бабушка умерла, когда ей было двенадцать. Дом продали. Но улица осталась.

В конце переулка — тупик. И в тупике — дверь. Обычная, железная, без вывески. Кирилл толкнул её. Дверь открылась.

Внутри былолюдно. И шумно. И пахло так, что у Ани закружилась голова — мясо на углях, зелень, вино, специи. Что-то грузинское. Острое. Настоящее.

Помещение было небольшое — пять-шесть столиков, накрытых клетчатыми скатертями. Стены — каменные, увитые плющом. Потолок — деревянные балки. Свет — тёплый, жёлтый, от ламп под абажурами. Играла музыка — негромкая, тягучая. Что-то на грузинском. Аня не понимала слов, но мелодия была красивая.

За стойкой стоял грузин — большой, с усами, в белой рубаше. Увидел Кирилла — расплылся в улыбке.

— Кирилл! — Голос громкий, раскатистый. — Давно не приходил!

— Дела, Гия. — Кирилл пожал ему руку. — Как ты?

— Как всегда. Работаю. Кормлю людей. — Гия посмотрел на Аню. Оценивающе, но без наглости. — Девушка с тобой?

— Слушай, — Кирилл наклонился к нему. — Столик на двоих. Подальше от всех.

Гия кивнул. Молча, без вопросов. Провёл их вглубь зала — к столику у окна. Окно выходило во внутренний дворик — маленький, с фонтаном. Вода журчала. Аня села. Кирилл — напротив.

Гия принёс меню — толстое, в кожаном переплёте. Кирилл отодвинул его.

— Не надо. Принеси как всегда. И вина. Красного. Хванчкару.

— Понял. — Гия ушёл.

Аня осмотрелась. За соседним столиком сидела пара — молодые, лет двадцати. Держались за руки. Смеялись. Девушка что-то рассказывала, парень смотрел на неё влюблёнными глазами. Аня отвернулась. Посмотрела на Кирилла. Он смотрел на неё.

— Ты часто здесь бываешь? — спросила она.

— Каждый день почти. — Он откинулся на спинку стула. — Тут кормят как дома. Гия — друг. Мы вместе рыбачим иногда.

— Ты всё так же рыбачишь?

— А как же. Это не работа. Это... — он задумался. — Это как дышать. Не могу не рыбачить.

Аня кивнула. Она помнила. Он всегда был такой. С детства. Уходил на рассвете с отцом, возвращался с уловом. Ставрида, барабулька, бычки. Приносил ей. Она не умела чистить рыбу — он чистил сам. Ловко, быстро, ножом, который всегда носил с собой.

— А ты? — спросил он. — Чем занималась?

— Работала. В агентстве. Редактором.

— Нравилось?

Аня задумалась. Честно задумалась. Впервые за долгое время.

— Не знаю, — сказала она. — Наверное, нет. Но я не думала об этом. Просто делала. Каждый день. Как робот.

— Почему?

— Потому что надо было. Потому что так принято. Потому что... — она замолчала.

— Потому что что?

— Потому что я думала, что это и есть жизнь. Работа. Москва. Квартира. Мужчина. Всё как у людей.

— А оказалось?

Аня посмотрела на него. Прямо.

— А оказалось, что это не моя жизнь. Чужая.

Он не ответил. Молчал. Смотрел на неё. Потом сказал:

— Я знал.

— Что знал?

— Что ты вернёшься.

Аня вздрогнула.

— Почему?

— Потому что ты не городская. Как и я. Ты можешь уехать. Но ты не можешь там жить. Я это сразу понял. Когда ты уезжала. Стоял на перроне и думал: она вернётся. Рано или поздно.

— И ты ждал?

Он усмехнулся.

— Не ждал. Жил. Но знал.

Гия принёс вино и закуски. Сыр, зелень, лаваш, какие-то соленья. Аня взяла бокал. Отпила. Вино было терпкое, холодное. Хорошее.

— Расскажи, — сказала она. — Как ты здесь. Четыре года. Что было?

Кирилл налил себе. Отпил. Поставил бокал.

— Сначала было плохо, — сказал он. — Первый год. Я ходил как в тумане. Работал, но не чувствовал. Рыбачил, но не радовался. Всё думал: а что если бы я поехал? Что если бы бросил всё? Может, был бы счастлив?

— И?

— И ничего. Понял, что не был бы. Я бы там сдох. Медленно. Как рыба без воды. — Он посмотрел на неё. — Ты знаешь, что я пробовал? До тебя. Уезжал. В Москву. В Питер. Даже в Новосибирск раз. Возвращался через месяц. Максимум — два. Я не могу без моря. Буквально. Начинаю задыхаться. Физически.

Аня смотрела на него. Он говорил спокойно. Без драмы. Просто факт.

— Потом привык, — продолжил он. — Взял себя в руки. Купил лодку. Кредит оформил. Долго платил. Потом вторую взял. Сдаю её. Зимой рыбачу. Летом вожу туристов. Ну и... живу. Как умею.

— Один?

Он посмотрел на неё. Долго.

— Один.

— Почему?

— Потому что не ты.

Аня отвернулась. Посмотрела в окно. Дворик, фонтан, вода журчит. Простые слова. А внутри — как будто что-то перевернулось.

— А у тебя? — спросил он. — Кто был?

Аня молчала. Смотрела на фонтан.

— Дима. — Голос был ровный. — Три года. Я думала, что выйду за него. Что всё будет. А потом узнала, что он женат.

Кирилл не сказал ни слова. Просто слушал.

— Я узнала неделю назад. Случайно. Пришла в офис женщина. Сказала, что жена. Ждёт его дома. Я стояла с кофе в руках. И смотрела на неё. И ничего не чувствовала. Ни злости. Ни обиды. Только пустоту.

— А потом?

— Потом поехала домой. Собрала вещи. Купила билет. И уехала. Всё.

Кирилл кивнул. Взял бокал. Отпил.

— Я не спрашиваю почему, — сказал он. — Я просто рад, что ты приехала.

Аня посмотрела на него. В глазах защипало. Она моргнула. Отвела взгляд.

— Не надо, — сказала она. — Не говори так.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что будет. Я не знаю, останусь ли. Я не знаю ничего. И не хочу обещать.

Он потянулся через стол. Взял её руку. Просто взял — большую ладонь поверх её. Аня не отняла.

— Я не прошу обещать, — сказал он. — Я просто говорю, что рад.

Она смотрела на его руку. На свою. На то, как они лежат — его сверху, её снизу. Как будто всегда там были.

— Кирилл.

— М?

— Почему ты не женился? За эти годы. Были же женщины.

Он убрал руку. Откинулся на стуле. Посмотрел в окно.

— Были, — сказал он. — Две. Может, три. Не помню точно. Одна — Лена, медсестра. Хорошая. Добрая. Готовила хорошо. Мы встречались год, наверное. Она хотела семью. Детей. Я не мог.

— Почему?

— Потому что не любил. — Он повернулся к ней. — Я честно пытался. Убеждал себя: вот она, нормальная, надёжная. Будет дом, дети, всё как у людей. Но каждое утро просыпался и думал: это не она. Не та. И так каждый день. Пока не понял, что обманываю и её, и себя. Расстались.

— А вторая?

— Вторая была замужем. — Он усмехнулся. — Тоже, кстати, из Москвы приехала. Отдыхать. Мы познакомились на пляже. Она была красивая. Умная. Всё понимала. Мы встречались всё лето. А осенью она уехала. К мужу. И я её не удерживал.

— Почему?

— Потому что знал: она уедет. И я уеду. Никто никуда не денется. Это было... — он подобрал слово, — удобно. Никто ничего не обещал. Никто никого не обманывал. Просто лето. Просто море. Просто мы.

Аня смотрела на него. И понимала. Она тоже так жила. Три года. Удобно. Никаких обещаний. Никаких планов. Просто рядом. Просто тепло. Просто.

— Ты поэтому не спрашиваешь про Диму? — спросила она. — Потому что знаешь, каково это?

Он кивнул.

— Я знаю, каково это — быть вторым. Или третьим. Или никаким. Я не хочу, чтобы ты это чувствовала. Поэтому не спрашиваю.

Аня опустила глаза. Взяла бокал. Допила. Вино согрело. Разлилось по телу. Стало легче.

Гия принёс шашлык. Горячий, на углях, с луком и зеленью. Пахло так, что у Ани заурчало в животе. Она и забыла, что голодная. С утра ничего не ела.

— Ешь, — сказал Кирилл. — Ты худая.

— Все мне это говорят.

— Потому что это правда.

Она взяла кусок. Откусила. Мясо было мягкое, сочное, с дымком. Аня закрыла глаза. Вкусно. По-настоящему вкусно. Как дома.

— Нравится? — спросил Кирилл.

— Очень.

Они ели. Молча. Но это было не то молчание, что на пирсе. Другое. Тёплое. Как будто слова были не нужны. Как будто и так всё понятно.

Потом Кирилл заказал ещё вина. И ещё. Аня захмелела — немного, приятно. Стало тепло. Хорошо. Она смотрела на Кирилла и думала: почему я уехала?

— Помнишь, — сказал он вдруг, — как мы на крыше сидели? У тебя дома. И ты сказала, что хочешь уехать.

— Помню.

— Ты уехала.

— Да.

— Я не поехал.

— Знаю.

— Я жалею.

Аня подняла на него глаза.

— О чём?

— О том, что не поехал. Не за тобой. А вообще. — Он смотрел в бокал. — Я жалею, что не попробовал. Ещё раз. Может, в этот раз получилось бы. Может, я бы смог. С тобой.

— Кирилл.

— Что?

— Ты бы не смог. Ты сам сказал.

— Знаю. — Он усмехнулся. — Но жалею всё равно. Потому что глупо. Всю жизнь прожить у моря и ни разу не попробовать. Глупо.

Аня молчала. Смотрела на него. Потом сказала:

— А я жалею, что уехала.

Он посмотрел на неё. Долго.

— Почему?

— Потому что ничего не нашла. Ни работы хорошей, ни жизни. Ни любви. Только пустоту. И мужика, который врал.

— Ты не могла знать.

— Могла. Я просто не хотела видеть. — Она отпила вина. — Я думала, что если уеду, то всё изменится. Что я стану другой. Лучше. Счастливее. А оказалось, что я везде одинаковая. И в Москве, и здесь. Просто в Москве я это прятала лучше.

Кирилл потянулся. Взял её за руку. Сжал.

— Ты не одинаковая, — сказал он. — Ты просто устала. Отдохни. Здесь. У моря. Всё пройдёт.

— Думаешь?

— Знаю.

Она посмотрела на его руку. На свою. И вдруг поняла, что не хочет, чтобы он отпускал. Никогда.

— Пойдём, — сказала она.

— Куда?

— Не знаю. Просто пойдём.

Он расплатился. Помог ей встать. Они вышли из шашлычной. Гия что-то крикнул вслед — Аня не разобрала. Переулок был тёмный, тихий. Только лоза шелестела на ветру. Кирилл взял её за руку. Повёл.

Они шли по ночной набережной. Народу стало меньше. Море шумело. Луна висела низко — жёлтая, огромная. Аня смотрела на неё и чувствовала, как внутри что-то тает. Медленно, по капле.

У её дома Кирилл остановился. Аня тоже. Стояли друг напротив друга. Близко. Так близко, что Аня чувствовала его дыхание. Тёплое. Родное.

— Ну, — сказала она. — Спасибо.

— Не за что.

Он не уходил. И она не уходила.

— Кирилл.

— Что?

Она не ответила. Шагнула вперёд. Прижалась к нему. Он обнял — крепко, обеими руками. Аня уткнулась лицом в его плечо. Вдохнула.

— Я скучала, — сказала тихо.

Он не ответил. Прижал крепче. А потом наклонился и поцеловал.

Долго. Глубоко. Как будто не было этих четырёх лет. Как будто вчера они стояли здесь же, у этой калитки.

Аня обвила руками его шею. Он подхватил её под бёдра. Она обхватила его ногами. Он прижал её к стене дома — к той самой, увитой плющом, — и целовал шею, ключицы, губы.

— Аня, — выдохнул он. — Скажи, что остановиться.

— Не скажу.

Он застонал — низко, в горле. Поднял её выше. Аня чувствовала его — всего. Как он хочет её. Как дрожат его руки.

— Ко мне, — сказала она. — Никого нет.

Он понёс её. Через калитку, через двор, мимо сохнувшего белья, на крыльцо. Аня открыла дверь — ключ под ковриком. Внутри темно и тихо. Родители спали.

В её комнате — маленькой, с кроватью у окна, с плакатами на стенах, с запахом детства — он опустил её на кровать. Накрыл собой.

И Аня забыла обо всём.

Глава 4 Утро, которое всё изменило

Аня проснулась от того, что кто-то ходил по дому.

Сначала она не поняла, где находится. Открыла глаза — потолок чужой. Нет, не чужой. Свой. Тот самый, с трещиной у люстры, которую отец так и не заделал. Потом почувствовала тяжесть на плече — чужую руку. Тёплую, тяжёлую, с широкой ладонью. И вспомнила всё.

Кирилл.

Он спал рядом. На боку, лицом к ней. Дышал ровно, глубоко. Ресницы тёмные, длинные — она и забыла, какие у него ресницы. Щетина отросла за ночь. На плече — след от её ногтей. Аня посмотрела на него и почувствовала, как внутри всё сжимается. От нежности. От страха. От чего-то ещё, чему она не знала названия.

За дверью снова скрипнула половица. Потом ещё раз. Потом слышались шаги — тяжёлые, уверенные. Отец. Он всегда вставал первым. В шесть утра, как по будильнику, даже на пенсии. Аня посмотрела на часы на тумбочке. Шесть двадцать. Поздно. Обычно он уже на кухне гремит чайником.

Она села на кровати. Одеяло соскользнуло. Аня схватила его, прикрылась. Кирилл заворочался, открыл глаза. Мутные, спросонья. Увидел её — улыбнулся. Медленно, тепло.

— Доброе утро, — сказал он хрипло.

— Тихо, — зашипела она. — Отец встал.

Кирилл сел. Огляделся. Увидел плакаты на стенах, розовые обои, кукол на полке. Усмехнулся.

— Ты так и не переклеила.

— Не до этого было.

Шаги в коридоре стали громче. Прошли мимо её двери. Остановились. Аня замерла. Кирилл тоже. Секунда. Две. Три. Потом шаги двинулись дальше — на кухню. Скрипнула дверь. Зашумела вода.

— Надо его вывести, — прошептала Аня. — Пока мама не встала.

— Как?

— Через окно.

Кирилл посмотрел на окно. Второй этаж. Не высоко, но и не низко. Внизу — куст сирени, старый, разросшийся. Под ним — мягкая земля, клумба.

— Серьёзно?

— Серьёзно. Мама встаёт в семь. Если она его увидит — будет скандал. Она и так вчера на взводе.

Кирилл встал. Начал одеваться — быстро, молча. Аня тоже натянула халат. Подошла к окну, открыла. Внизу — тихо. Только птицы. И море где-то далеко шумит.

— Давай, — сказала она. — Только аккуратно.

Кирилл подошёл к окну. Уже одетый — шорты, футболка, полотенце на плече. Взял её за руку, притянул. Поцеловал — коротко, в губы.

— Вечером?

— Вечером.

Он перекинул ногу через подоконник. Потом вторую. Повис на руках. Аня держала его за запястье.

— Отпускай.

Она отпустила. Кирилл мягко прыгнул — в куст, с глухим шорохом. Вынырнул из сирени, отряхнулся. Посмотрел вверх. Улыбнулся. Помахал рукой.

Аня закрыла окно. Прислонилась лбом к стеклу. Смотрела, как он идёт через двор, как открывает калитку, как выходит на улицу. Как исчезает за поворотом.

Потом выдохнула. И пошла в душ.

На кухне отец сидел с газетой.

Аня вошла — в халате, с мокрыми волосами, с полотенцем на плече. Отец поднял глаза.

Кивнул.

— Доброе утро.

— Доброе, пап.

Она налила себе чай. Села напротив. Отец смотрел на неё поверх газеты. Долго. Аня делала вид, что не замечает.

— Плохо спала? — спросил он.

— Нормально.

— Что-то я слышал ночью. Шорох какой-то.

Аня поперхнулась чаем. Откашлялась.

— Окно открывала. Ветер.

— Ага. — Отец вернулся к газете. — Ветер.

Помолчали. Аня чувствовала, как горят щёки. Отец всё знал. Она была уверена. Он всегда всё знал. Но не спрашивал. Никогда не спрашивал. В этом был весь он.

— Пап.

— М?

— Ты как сегодня?

— Лучше. Таблетки пью. — Он отложил газету. — Ты надолго?

Аня пожала плечами.

— Не знаю. Как пойдёт.

— А работа?

— Уволилась.

Отец посмотрел на неё внимательно.

— Когда?

— Вчера. Перед отъездом. Написала заявление по почте.

Он кивнул. Не удивился. Не стал читать нотации. Просто кивнул.

— Ну, значит, так надо.

Аня смотрела на него и думала: почему я не сказала ему раньше? Почему не позвонила? Почему не приехала? Он бы понял. Он всегда понимал. Может, тогда всё было бы иначе.

— Пап, я...

Договорить она не успела. В коридоре заскрипели шаги. Мама. Аня услышала, как она остановилась у её комнаты. Открыла дверь. Заглянула. Потом пошла на кухню. Вошла — заспанная, в халате, с растрёпанными волосами.

— Доброе утро, — сказала она. Потом посмотрела на Аню. — Ты чего такая?

— Какая?

— Глаза блестят. Щёки красные. Температура?

— Нет, мам. Всё нормально.

Мама подозрительно прищурилась. Но ничего не сказала. Подошла к плите, начала варить кашу.

Аня допила чай. Встала.

— Я пойду. Прогуляюсь.

— Куда?

— На море.

— Позавтракай сначала.

— Не хочу. Потом.

Мама открыла рот, чтобы возразить, но отец сказал:

— Лена. Пусть идёт.

Мама замолчала. Аня вышла из кухни. В комнате натянула сарафан, шлёпки, взяла сумку. Посмотрела в зеркало. Глаза и правда блестели. Щёки красные. Губы припухшие. Она провела по ним пальцем. И улыбнулась — сама себе, глупо.

Вышла из дома. Утро было раннее, но уже жаркое. Птицы орали. Пахло морем, цветами, нагретым асфальтом. Аня шла по улице и не могла сдержать улыбку. Просто шла и улыбалась. Как дура.

У поворота её ждали.

Кирилл стоял у забора, прислонившись спиной. С двумя стаканами кофе в руках. Увидел её — улыбнулся. Широко, открыто. Так, как улыбался только он.

— Долго ты.

— Мама задержала.

Он протянул ей стакан. Аня взяла. Отпила. Горячий, крепкий. Такой, как она любила.

— Ну что, — сказал он. — Куда пойдём?

— Не знаю. К морю?

— К морю.

Они пошли вместе. По улице, мимо домов, мимо заборов, увитых виноградом. Утро было тихое. Люди ещё спали. Только собаки лаяли где-то вдалеке. И море — оно было везде. За домами, за деревьями, за поворотами. Аня чувствовала его запах. И это было счастье.

Они вышли на набережную. Пустую, утреннюю. Море лежало перед ними — синее, спокойное, сверкающее. Чайки кружили над водой. Пляж был пустой — только пара человек, самых ранних.

— Помнишь, — сказал Кирилл, — мы здесь сидели. Раньше. Каждое утро.

— Помню.

— Я после тебя год сюда не приходил.

Аня посмотрела на него. Он смотрел на море. Не на неё.

— Почему?

— Не мог. Всё напоминало.

Он помолчал. Потом повернулся.

— А потом привык. Понял, что море — оно не твоё. Оно моё. Оно всегда было моим. И если я перестану сюда ходить, я перестану быть собой.

Аня кивнула. Она понимала. Она тоже перестала быть собой. Где-то там, в Москве. В чужом городе, в чужой квартире, с чужим мужчиной. Она перестала быть собой. И только сейчас, здесь, на этом берегу, она начала вспоминать, какой была.

— Кирилл.

— М?

— Я не сказала тебе вчера. Всё, что хотела.

Он посмотрел на неё.

— Скажи сейчас.

Аня вздохнула. Поставила стакан с кофе на парапет. Села на бетон, свесила ноги. Кирилл сел рядом.

— Я уехала не просто так, — начала она. — Я уехала, потому что ты не поехал. Я ждала. До последней минуты. Стояла на перроне, смотрела на часы. Думала: вот сейчас придёт. Вот сейчас скажет: «Останься» или «Я с тобой». Ты пришёл. За пять минут. Сказал «счастливо». И ушёл.

Кирилл молчал. Смотрел на море.

— Я злилась, — продолжила Аня. — Очень. Года два, наверное. Потом перестала. Поняла, что ты не виноват. Что ты никогда не обещал мне уехать. Что это я придумала. Сама. Что ты бросишь всё ради меня. Ты не бросал. Ты просто жил. Как умел.

Она замолчала. Кирилл всё ещё смотрел на воду.

— Я не мог, — сказал он наконец. — Не потому, что не хотел. Я хотел. Очень. Но я знал: если уеду — сломаюсь. Я не городской. Я пробовал. До тебя. Уезжал. В Москву, в Питер. Возвращался через месяц. Мне нужно море. Каждый день. Мне нужен воздух. Мне нужна лодка. Я без этого не могу дышать.

Он повернулся к ней.

— Ты можешь уехать. Я — нет. Это не выбор. Это... это как руку отрезать. Понимаешь?

Аня кивнула.

— Понимаю.

— Тогда почему ты злилась?

— Потому что хотела, чтобы ты выбрал меня. А ты выбрал море.

Он взял её руку. Сжал.

— Я выбрал не море. Я выбрал себя. Потому что если бы я выбрал тебя и уехал — я бы стал не собой. А ты бы полюбила не меня. А кого-то другого. Понимаешь?

Аня смотрела на него. И вдруг — впервые за четыре года — она действительно поняла. Поняла, что он был прав. Что если бы он поехал за ней, он бы сломался. И она бы возненавидела его. Рано или поздно. За то, что он несчастлив. За то, что он не тот, кем был. За то, что она его забрала у моря.

— Я поняла, — сказала она. — Только сейчас.

Он притянул её к себе. Обнял. Аня уткнулась лицом в его плечо. Вдохнула.

— Я не хочу больше уезжать, — сказала она тихо. — Не хочу.

— И не надо.

Они сидели так долго. Смотрели на море. Молчали. Потом Кирилл встал, протянул ей руку.

— Пойдём. Покажу тебе лодку.

— Я видела вчера.

— Не так. По-настоящему.

Он повёл её на пирс. К дальнему причалу. Там стояла она — белая, с синей полосой. «Аня». Аня смотрела на название и не знала, что сказать.

— Ты назвал её в честь меня.

— Да.

— Когда?

— Три года назад. Купил. Долго думал, как назвать. И понял: по-другому не получится.

Аня подошла к лодке. Провела рукой по борту. Прохладный, гладкий. Название — чёрные буквы, ровные. Она почему-то заплакала. Тихо, беззвучно. Просто слёзы потекли — и всё.

Кирилл обнял её сзади. Прижал к себе.

— Не плачь.

— Я не плачу. Это... это просто.

— Что?

— Я не знаю. Всё сразу. Ты. Лодка. Море. Я думала, что всё потеряла. А оказалось — нет.

Он развернул её. Вытер слёзы большим пальцем. Поцеловал — в лоб, потом в губы.

— Пойдём кататься.

— Сейчас?

— Сейчас.

Он помог ей залезть. Завёл мотор. Лодка медленно отошла от причала. Аня сидела на корме, смотрела, как берег удаляется. Как дома становятся маленькими. Как город превращается в игрушечный. Как остаётся только море — вокруг, везде, до горизонта.

Кирилл вёл лодку уверенно. Стоял у руля, смотрел вперёд. Аня смотрела на него. На его спину, на руки, на то, как ветер треплет его волосы. И думала: вот. Вот оно. Счастье. Оно было здесь всё это время. Просто она не видела.

Они шли вдоль берега. Мимо пляжей, мимо скал, мимо маленьких бухт, спрятанных от чужих глаз. Кирилл показывал рукой:

— Вон там мы с пацанами рыбачили. А вон там — грот. Мы туда лазили. Мальчишками. Там темно и страшно. Но интересно.

Аня слушала. Смотрела. Улыбалась. Море блестело на солнце. Чайки кричали. Ветер бил в лицо. И это было счастье. Простое. Настоящее.

Потом Кирилл заглушил мотор. Лодка остановилась. Он подошёл к ней. Сел рядом. Обнял.

— Здесь красиво, — сказала Аня.

— Здесь всё красиво. Ты просто не замечала.

— Замечала. Просто забыла.

Он поцеловал её. Долго. Медленно. Аня закрыла глаза. И почувствовала, как внутри всё тает. Как лёд, который слишком долго лежал на солнце. Как что-то, что она держала в себе четыре года. Отпускает.

Глава 5 Дом, который помнил всё

Лодка причалила к пирсу в полдень.

Солнце стояло высоко, жара была такая, что бетон под ногами казался горячим, как сковородка. Аня прыгнула на причал — ноги слегка дрожали, то ли от качки, то ли от всего, что случилось за это утро. Кирилл пришвартовал лодку, подал ей руку.

— Ну что, — сказал он. — Пойдём?

— Куда?

— Не знаю. Ко мне? У меня дом недалеко. Или к тебе?

Аня задумалась. К нему — это означало увидеть его жизнь. Его дом. Его быт. Всё то, что он построил без неё. Она не была уверена, что готова. К себе — означало вернуться в родительский дом, где мама уже, наверняка, обыскалась. И где придётся врать. Или не врать.

— Ко мне, — сказала она. — Мама будет волноваться.

Кирилл кивнул. Не спросил ничего. Просто пошёл рядом. Они шли по набережной — днём она была совсем другой. Шумной, яркой, полной людей. Дети с мороженым, женщины в купальниках, мужчины с пивом. Музыка из кафе. Крики чаек. Пахло шашлыком и солнцезащитным кремом.

Аня смотрела на всё это и чувствовала себя странно. Как будто она смотрела фильм. Или видела сон. Всё было знакомым — и в то же время чужим. Она уехала отсюда девчонкой. Вернулась женщиной. И город не изменился. А она — да.

— Ты чего задумалась? — спросил Кирилл.

— Просто. Смотрю.

— На что?

— На всё. На людей. На море. На тебя.

Он усмехнулся.

— И как?

— Хорошо. — Она сказала это честно. — Правда хорошо.

Они дошли до её улицы. У калитки Кирилл остановился.

— Я пойду, — сказал он. — Вечером позвоню.

— Ты не зайдёшь?

— Не сегодня. — Он посмотрел на дом. — Тебе надо с родителями поговорить. Без меня.

Аня кивнула. Он был прав. Она это знала. Но всё равно — внутри что-то сжалось. Не хотелось, чтобы он уходил.

— Хорошо.

Он наклонился. Поцеловал её — в губы, коротко. Потом развернулся и пошёл. Аня смотрела ему вслед. Пока он не скрылся за поворотом.

Потом толкнула калитку. Вошла во двор.

Мама сидела на крыльце. В руках — чашка чая. Увидела Аню. Поставила чашку. Встала.

— Ты где была?

— На море.

— С утра?

— Да.

Мама смотрела на неё. Долго. Аня чувствовала, как под этим взглядом становится неуютно. Как будто её просвечивают насквозь.

— Ты не одна была.

Аня замерла.

— Что?

— Я видела. Утром. Из окна. Ты с кем-то шла. Мужчина. Высокий. Загорелый.

Аня молчала. Мама сделала шаг вперёд.

— Это он? Кирилл?

— Мам.

— Это он? Отвечай.

— Да. Он.

Мама откинулась назад. Как будто её ударили. Схватила за перила.

— Господи, — прошептала она. — Я так и знала. Знала.

— Мам, что такого? Я взрослая женщина. Я могу...

— Ты взрослая женщина, — перебила мама. — Которая четыре года не была дома. Которая приехала вчера. И сегодня уже ночует неизвестно где. С ним. С этим... — она замолчала, подбирая слово. — С этим рыбаком.

— Не называй его так.

— А как мне его называть? Он бросил тебя. Ты уехала из-за него.

— Я уехала не из-за него.

— Из-за него! — Мама повысила голос. — Ты мне сама говорила. Помнишь? Ты плакала. Говорила, что он предал. Что он выбрал море, а не тебя.

Аня молчала. Она помнила. Помнила ту ночь. Помнила, как сидела на кухне, в Москве, с телефоном в руках. Как звонила маме. Как плакала. Как говорила всё это. Тогда ей казалось, что это правда. Тогда она действительно так думала.

— Это было четыре года назад, — сказала она тихо.

— И что изменилось?

— Всё.

Мама смотрела на неё. В глазах — что-то такое, чего Аня не понимала. Страх? Злость? Или что-то другое?

— Ты его любишь? — спросила мама.

Аня замерла. Такого вопроса она не ожидала.

— Я не знаю, — сказала она честно.

— Не знаешь? Ты ночуешь с ним, а не знаешь?

— Мам. Всё сложно.

— Сложно, — мама фыркнула. — Всё у вас сложно. А по-простому нельзя? Приехала. Вышла замуж. Родила. Жила как люди.

— Я не хочу как люди.

— А чего ты хочешь?

Аня молчала. Она не знала, что ответить. Точнее, знала. Но не хотела говорить это маме. Потому что мама не поймёт. Мама всю жизнь прожила здесь. С отцом. В этом доме. И никуда не уезжала. И никогда не хотела уезжать. И для неё счастье — это просто. Дом. Семья. Дети. Внуки. Всё по порядку.

А Аня не хотела по порядку. Она хотела по-своему. Только не знала, как это — по-своему.

— Я пойду, — сказала она. — Устала.

Мама открыла рот, чтобы что-то сказать. Но не сказала. Только махнула рукой. Аня прошла мимо неё. В дом. В свою комнату.

Закрыла дверь. Села на кровать. Обхватила себя руками. И только тут, в тишине, почувствовала, как её трясёт. От разговора. От всего. От того, что мама права. И от того, что она не права.

Аня легла. Закрыла глаза. И незаметно для себя уснула.

Проснулась она от стука в дверь.

— Аня. — Голос отца. — Ты спишь?

— Нет. Заходи.

Дверь открылась. Отец вошёл. Не спеша, тяжело. Сел на стул у стола. Посмотрел на неё.

— Мама рассказала.

— Понятно.

— Она не со зла. Она волнуется.

— Знаю.

Отец помолчал. Смотрел в окно. Потом сказал:

— Ты с Кириллом?

Аня села на кровати. Поправила волосы. Вдохнула.

— Да.

— Давно?

— Вчера. Сегодня. Не знаю.

Отец кивнул. Медленно. Как будто переваривал.

— Он хороший парень, — сказал он. — Был. Я его помню. Вежливый. Работящий. Мне всегда нравился.

— Пап.

— Что?

— Ты не против?

Отец посмотрел на неё. Долго.

— Я не против, чтобы моя дочь была счастлива, — сказал он. — А с кем — это её дело.

Не моё.

Аня почувствовала, как глаза защипало. Она моргнула. Отвела взгляд.

— Спасибо, пап.

— Не за что. — Он встал. — Только одно.

— Что?

— Не ври себе. Если что-то не так — не ври. Ни мне, ни маме, ни ему. Себе в первую очередь.

Он вышел. Закрыв дверь. Аня осталась сидеть на кровати. Смотрела на дверь. Потом легла. Закрывала глаза. И подумала: а ведь он прав. Во всём прав.

Вечером позвонил Кирилл.

— Привет, — голос тёплый, спокойный. — Как ты?

— Нормально. С родителями поговорила.

— И как?

— Мама в шоке. Папа — ничего. Поддерживает.

— Хорошо. — Он помолчал. — Ты хочешь встретиться?

Аня посмотрела на часы. Семь. За окном темно.

— Давай. Где?

— На том же месте. На пирсе.

— Хорошо.

Она встала. Надела сарафан. Посмотрела на себя в зеркало. Усталая. Но живая. Глаза блестят. Как у девочек. Глупо. Но приятно.

Вышла из комнаты. Мама на кухне. Сидит, смотрит в стену. Аня подошла. Поцеловала её в макушку.

— Мам. Я скоро.

Мама подняла голову. Посмотрела на неё. И вдруг — неожиданно — сказала:

— Иди. Только не пропадай. Я волнуюсь.

— Не буду. Обещаю.

Аня вышла. И почти бегом побежала к морю.

Он ждал её на том же месте.

У самого края пирса. Сидел, свесив ноги. Смотрел на воду. Увидел её — встал. Улыбнулся. Широко. Открыто.

— Пришла.

— Пришла.

Она подошла. Села рядом. Он обнял её. Притянул к себе. Аня уткнулась носом в его плечо. Вдохнула. Море. Соль. Солнце. Его.

— Как поговорили? — спросил он.

— Мама в шоке. Папа нормально. Сказал, что ты ему всегда нравился.

Кирилл усмехнулся.

— Я его помню. Он всегда молчал. Но смотрел так, будто всё про меня знал.

— Он и знал.

Помолчали. Смотрели на воду. Луна висела низко. Отражалась в море. Дорожка от неё — длинная, дрожащая. Аня смотрела на эту дорожку и думала: а ведь я могла бы здесь быть. Все эти четыре года. Могла бы сидеть на этом пирсе. С ним. Каждый вечер. Просто так. Просто рядом.

— О чём думаешь? — спросил он.

— О том, что могло бы быть.

— И что?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Могла бы остаться. Не уезжать. Жить здесь. С тобой.

— Почему не осталась?

— Ты знаешь.

— Знаю. Но хочу услышать от тебя.

Аня вздохнула. Посмотрела на море.

— Потому что боялась. Что если останусь — то пропущу что-то. Что-то важное. Что-то большее. Что где-то там, в Москве, есть другая жизнь. Лучше. Ярче. И я её не увижу.

— И как?

— Никак. Жизнь оказалась такой же. Только хуже. Потому что не было моря. И тебя.

Он взял её руку. Сжал.

— А сейчас?

— Сейчас я здесь. И не хочу уезжать.

— Значит, останешься?

Аня посмотрела на него. Долго.

— Не знаю. Ещё не знаю. Дай мне время.

Он кивнул.

— Дам. Сколько нужно.

Они сидели долго. Молчали. Смотрели на море. Потом Кирилл сказал:

— Пойдём ко мне.

— Куда?

— Домой. Покажу тебе дом. Ты ни разу не была.

— Я была. Раньше. Давно.

— Тогда всё было по-другому. Пойдём.

Он встал. Протянул ей руку. Аня взяла. Пошла за ним.

Дом Кирилла стоял на самом берегу. Маленький, одноэтажный, с черепичной крышей. Вокруг — сад. Виноград, гранат, смоковница. Калитка — деревянная, не заперта. Кирилл толкнул её.

— Проходи.

Аня вошла. Двор был аккуратный. Подметённый. Ни соринки. В углу — лодка. Перевернутая. Старая, деревянная. Видимо, та, на которой он рыбачил в детстве. Рядом — сети. Сушились на солнце. Пахло морем и деревом.

— Красиво, — сказала Аня.

— Спасибо. Сам делал.

Он открыл дверь. Пропустил её вперёд.

Внутри дом был простой. Кухня, комната, спальня. Всё небольшое. Но чистое. И пахло — чем-то своим. Кириллом. Морем. Деревом. Дымом. Аня остановилась посреди комнаты. Осмотрелась.

— Ты один здесь живёшь?

— Один.

— Не скучно?

— Нет. — Он подошёл. Обнял сзади. — Раньше было скучно. Теперь нет.

Аня повернулась. Посмотрела на него. На его лицо. На глаза. На губы.

— Кирилл.

— М?

— Я хочу остаться. Сегодня. У тебя.

Он смотрел на неё. Долго.

— Уверена?

— Да.

Он поднял её на руки. Понёс в спальню. Аня обвила руками его шею. Прижалась. Он опустил её на кровать — широкую, деревянную, с белым бельём.

— Кирилл.

— Что?

— Ничего. Просто.

Он наклонился. Поцеловал. Долго. Медленно. Аня закрыла глаза. И отдалась.

Этой ночью всё было иначе. Не как в первый раз — быстро, жадно, как будто торопились. Не как утром — нежно, тихо. А по-другому. Медленно. Глубоко. Как будто знали, что времени много. Что никто никуда не уйдёт.

Он целовал её долго. Всю. Каждый сантиметр кожи. Она отвечала. Искала его руками. Нашла. Притянула. Он вошёл — медленно, давая привыкнуть. Она выгнулась. Обхватила его ногами. Он двигался — размеренно, глубоко. Смотрел ей в глаза. Аня смотрела в ответ. И не отводила взгляд. Как будто видела его впервые. Как будто узнавала заново.

Потом лежали. Мокрые. Дышали тяжело. За окном шумело море.

— Кирилл.

— М?

— Я останусь. Насовсем.

Он повернулся. Посмотрел на неё.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

Он ничего не сказал. Просто притянул её к себе. Крепко. Так, что дышать было нечем. Аня улыбнулась. В темноте. Никто не видел. И это было хорошо.

Аня проснулась от того, что пахло кофе.

Открыла глаза. Солнце било в окно. Яркое, утреннее. За окном — море. Синее, спокойное. Чайки. Кирилл стоял у плиты. В одних шортах. Варил кофе.

Аня села. Одежда соскользнула. Она потянула его обратно. Кирилл обернулся. Увидел. Улыбнулся.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Кофе будешь?

— Буду.

Он налил две чашки. Принёс. Сел рядом. Аня взяла чашку. Отпила. Горячий. Крепкий. Такой, как она любила.

— Ты рано встал.

— Привычка. Рыбаки рано встают.

— А сегодня? Ты не рыбачишь?

— Сегодня нет. Сегодня выходной.

— У тебя бывают выходные?

— Бывают. Когда хочу.

Аня улыбнулась. Отпила ещё. Посмотрела в окно. Море. Чайки. Солнце. Всё то, чего не было в Москве. Всё то, что она так долго искала. И вот оно. Здесь. Рядом.

— Кирилл.

— М?

— Я счастлива.

Он посмотрел на неё. Долго. Потом улыбнулся.

— Я тоже.

Он наклонился. Поцеловал её. В губы. Медленно. Вкусно. Кофе, соль, утро.

Потом они завтракали. На веранде. С видом на море. Кирилл пожарил яичницу. Сделал салат. Нарезал хлеб. Всё простое. Но вкусное. Аня ела и не могла наесться. Как будто впервые ела. Как будто впервые жила.

После завтрака Кирилл сказал:

— Пойдём. Покажу тебе город. Так, как ты его не видела.

— Я его знаю.

— Не знаешь. Ты знала его туристкой. А я покажу тебе его настоящим.

Он взял её за руку. Повёл.

Они шли по улицам. Маленьким, узким, мощёным. Мимо домов, увитых виноградом. Мимо старух на лавочках. Мимо котов, спящих на солнце. Кирилл здоровался со всеми. Знал каждого. Каждую собаку. Каждого кота. Аня смотрела на него и думала: вот. Вот он. Настоящий. Не тот, каким она его помнила. Не тот, каким он был в её памяти. А другой. Взрослый. Спокойный. Настоящий.

— Здесь я родился, — сказал он, показывая на маленький дом с зелёными ставнями. — Вот здесь. В этой комнате. Мама рассказывала, что я родился в шторм. Ветер был такой, что срывало крыши. А я родился. И закричал. Громче ветра.

— Ты всегда был громкий, — сказала Аня.

— Да. Мама говорила, что я с первого дня знал, чего хочу.

Они шли дальше. Кирилл показывал ей всё. Школу. Стадион. Пляж. Бухту, где он ловил рыбу мальчишкой. Грот, куда они лазили с пацанами. Всё то, что делало его им. Всё то, чего она не знала. Всё то, что она пропустила за четыре года.

— Ты жалеешь? — спросила она.

— О чём?

— Что не уехал. Тогда. Со мной.

Он остановился. Посмотрел на море. Потом на неё.

— Нет, — сказал он. — Не жалею. Я бы там умер. Медленно. Я это знал. Поэтому и не поехал.

— А если бы я осталась?

— Тогда всё было бы по-другому.

— Как?

— Я бы женился на тебе. Через год. Может, раньше. Мы бы жили в моём доме. Или в твоём. У нас были бы дети. Я бы рыбачил. Ты бы... — он задумался. — Ты бы нашла что-то. Ты умная. Ты бы не сидела без дела.

— И мы были бы счастливы?

Он посмотрел на неё. Долго.

— Не знаю. Может, да. Может, нет. Но мы бы попробовали.

Аня молчала. Смотрела на море. Думала. Обо всём. О том, что могло быть. И о том, что есть.

— Я хочу попробовать, — сказала она.

— Что?

— Всё. Жизнь здесь. С тобой. Я хочу попробовать.

Он взял её за руку. Сжал.

— Тогда попробуем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.